

УДК 81-119

Пугачева Е. Ю.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ «ПИСАТЕЛЬ» В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ Л. Н. ТОЛСТОГО И ДЖ. ФАУЛЗА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

АННОТАЦИЯ

Цель – изучение использования отрезков текста со сменным субъектом речи в дневниковом дискурсе на предмет их способности передачи эмоционального состояния нарратора.

Процедура и методы. Исследование проведено с помощью многоступенчатого дискурсивного анализа, последовательно включающего контекстологический, лингвокультурологический, квантитативный этапы.

Результаты. Установлено, что социальная роль «писатель» представляет собой сложный лингвистический феномен, обладающий значительным семантическим и функциональным потенциалом, не сводящийся в однозначный конструкт ни в плане формы, ни в плане содержания.

Практическая значимость. Эксперимент убедительно доказывает, что инструмент переключения с одной тематической канвы на другую заметно повышает эмотивность и смысловую содержательность текста в целом. Не менее значимым выводом считаем возможность использовать интертекстуальные вкрапления как способ релевантной характеристики языковой личности, что может внести вклад в развитие теории языка, положив начало такому направлению, как интердискурсивная характерология.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

интертекстуальность, прецедентность, интертекстуальные вкрапления, цитата, тематический регистр, реминисценция, глубинный смысл

СТРУКТУРА

Введение

Исследование материала дневников Л. Н. Толстого

Исследование материала дневников Дж. Фаулза

Сопоставительный анализ собранных данных

Выводы

E. Pugacheva

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

VERBALIZATION OF THE EMOTIONAL ASPECT OF “WRITER” SOCIAL ROLE IN LEO TOLSTOY’S AND JOHN FOWLES’ DIARY DISCOURSE: COMPARATIVE ANALYSIS

ABSTRACT

Aim. The study of textual parts with interchangeable speech subjects in diary discourse to determine their ability to render the emotive state of the narrator.

Methodology. Multiphase discourse analysis, including contextological, linguo-culturological, quantitative phases.

Results. It is stated that the social role “writer” represents a sophisticated linguistic phenomenon, which possesses significant semantic and functional potential and neither in its form, nor in its contents can be confined to simple uniform construct.

Research implications. The study shows that the change from one theme to another significantly increases the emotiveness and meaning of the text as a whole. An additional conclusion is that this type of intertextual insertions may be used as a relevant characteristic of language personality, and may contribute to the development of language theory by laying the foundation to a new branch – interdiscursive characterology.

KEYWORDS

intertextuality, precedent, intertextual inclusion, quotation, thematic register, reminiscence, innermost sense

ВВЕДЕНИЕ

Цель исследования – проследить особенности вербализации эмотивно-го состояния языковой личности при переключении внимания в дневниковых записях с одного на иной тематический регистр и, следовательно, иную социальную роль. Как показал анализ литературы по поднимаемому вопросу, в научных кругах объектом выступали либо отдельно языковая личность [2; 3; 5; 6], либо дискурсивное пространство [1; 5; 7], либо средства вербализации эмотивного состояния [4]. **Объектом** исследования в представляемой статье выступают отрезки текста со сменным субъектом речи, изучаемые на **предмет** их способности к передаче эмотивного состояния пишущего. **Материалом** послужили записи дневников Л. Н. Толстого за период с 1847 по 1894 гг. и Дж. Фаулза за период 1949–1965 гг.

Алгоритм исследования включает несколько взаимосвязанных этапов: 1) методом сплошной выборки выявить отрывки дневниковых записей указанных авторов, в которых наиболее ярко проявлена социальная роль «писатель»;

2) контекстуальным и лексико-стилистическим методами выделить фонетические, морфологические, лексические и синтаксические особенности, присущие обозначенной социальной ипостаси языковой личности автора дневникового дискурса, чтобы определить эмотивное состояние пишущего; 3) сравнительно-сопоставительным методом провести анализ собранных данных и 4) общепhilosophическим методом дедукции сделать вывод по проделанной работе.

Говорить о художнике слова в глобальном масштабе и лингвисте в частности достаточно сложно, поскольку каждый резидент языка таковым является в большей или меньшей степени. Мы все порой творим неологизмы, создаём тексты. Но те колоссы, чьё литературное наследие составило значимый слой человеческой истории в целом, заслуживают особое внимание. Благодаря их усилиям многие начинают видеть сам мир иначе. Сложно поспорить с тем, что всё зависит, с какой стороны взглянуть и какими словами подать свое мировидение.

ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛА ДНЕВНИКОВ Л. Н. ТОЛСТОГО

Как заявлено в представлении алгоритма работы, первоочередной задачей исследования является определение общего количества отрезков текста дневников с тематическим наполнением «писатель». Следует отметить, что творческое становление обоих авторов продолжалось всю их сознательную жизнь; и определить, где начинается или заканчивается эта социальная роль, весьма затруднительно. Каждая фраза или мимолётное замечание говорит о мастерстве оттачивания неповторимого идиостиля, поиске точного отражения сути, способов и средств истинного самовыражения. Методом сплошной выборки в дневниковом наследстве Л. Н. Толстого обнаружены 42 примера.

Итак, читаем у Л. Н. Толстого: «Всякий писатель для своего сочинения имеет в виду особенный разряд идеальных читателей. Нужно ясно определить себе требования этих идеальных читателей, и ежели в действительности есть хотя во всем мире два таких читателя – писать только для них. Описывая типы или пейзажи, необыкновенные для большинства читателей, никогда не выпускать из виду типы и пейзажи обыкновенные – взять их за основание и, сравнивая с ними необыкновенные, описывать их»¹.

Представляется необходимым прежде всего разобрать этот отрывок с точки зрения контекстной стилистики, чтобы определить мельчайшие особенности, характерные для языковой личности Толстого-писателя. Первое, что непременно привлекает внимание, – это рельефность текста: автор, базируясь на противопоставлении, разводит такие понятия, как *всякий* (писатель) – я (как конкретный пример); *любой* (читатель) – *идеальный* (для меня), *особенный*, *необыкновенный* – *обыкновенный*, *большинство* (читателей), *весь мир* – *двое* (мои, идеальные). Заметим, что контрастность создаёт условия для формирования синтаксического параллелизма и лексических повторов.

¹ Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 80.

Попутно заметим, что тема избранного меньшинства волновала Дж. Фаулза не меньше: вспомним его знаменитый роман «Аристос»² (1964). Проблема поиска своего интеллектуального двойника заключается в самой глубине подхода к каждому вопросу: в определении их горизонтов, способности опережать развитие современников, задавая направление общенационального развития соответствующей лингвокультуры.

Второе отличие этого отрезка – номинативная плотность текста, намеренный уход от стилистического разнообразия и активное донесение конкретной мысли. Автор стремится к управлению вниманием реципиента – последовательно и доходчиво, как терпеливый наставник пестует своего лучшего подопечного. Методичность подхода Л. Н. Толстого эксплицитно выражается в модальности текста (*нужно, никогда, требования*), что не вступает в противоречие с гиперболой – *хотя во всем мире два*. И здесь проявляется ещё одна особенность идиостиля Л. Н. Толстого-писателя – диффузность границ этой социальной роли. При внешней (лексической) ограниченности рамками роли «писательства» внутренне (семантически) она корреспондирует со множеством сопутствующих: отец – сын, учитель – ученик, ваятель – материал и т. д. Л. Н. Толстой никогда и не отделял писательства от «искусства, педагогики и семьи»: писательская деятельность, цель её – «просвещение, исправление и соединение»³. Сложно здесь не увидеть огромной движущей силы – любви к человечеству, потребности к созиданию и воспитанию.

Приведём ещё пример: *Романы кончатся тем, что герой и героиня женились. Надо начинать с этого, а кончать тем, что они разжились, то есть освободились. А то описывать жизнь людей так, чтобы обрывать описание на женитьбе, это всё равно, что, описывая путешествие человека, оборвать описание на том месте, где путешественник попал к разбойникам*⁴.

Размышления над сюжетной линией будущих и находящихся в процессе писания романов составляют незримую ткань дневникового наследия: то подслушанный разговор крестьян с истинно русским колоритом речи и неприменной тоской по утраченному счастью, то песня цыган с залихватским припевом, то отчаянная молитва матери по безвременно почившему сыну. В каждом слове чувствуется труд впитывания и адаптирования окружающего мира в угоду своему читателю, что как нельзя лучше формировал Л. Н. Толстого-романиста.

Относительно русского романа Л. Н. Толстой часто отмечал, что там, где заканчиваются зарубежные истории словами: «и жили они долго и счастливо», – русский реалистический роман только зарождается. С точки зрения стилистики обращает на себя внимание построение высказывания на проти-

² Fowles J. The Aristos. London: Vintage, 2001. 196 p.

³ Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 289.

⁴ Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 508.

вопоставлении: *кончатся – начинать, женились – разженились, герой – героиня*. Примечательны сравнения брачующихся то с путешественниками, то с пленёнными разбойниками, то с освобождением. Метафорика подобного сопоставления понятна русскому человеку: сочетание собственной жизни с жизнью другого имеет много общего с приключенческим блокбастером, где обстоятельства непременно вставят палки в колеса, как те самые разбойники, перед которыми капитулируют даже самые отчаянные.

Обращают на себя внимание группы слов одной тематической области: *описывать, описание, описывая; обрывать, оборвать, путешествие, путешественник*, – но при этом не возникает ощущения избыточности. Писатель намеренно прибегает к «облегчённому» синтаксису: предложения не осложнены многочисленными однородными членами, столь характерными для творчества Л. Н. Толстого. Второй пример показывает, что сохраняется метод компенсации: сложный синтаксис поддерживается упрощённым лексическим составом, а внешняя тематическая закрытость поддерживается внутренней семантической открытостью.

Оба примера ярко отражают образ автора в тексте, о чём сам Л. Н. Толстой активно рассуждал на страницах дневников: *Читая сочинение, в особенно[ст]и, чи[ст]о литературное, – главный интерес со[ст]авляет характер автора, выражающийся в сочинении. Но бывают и такие сочинения, в которых автор аффектирует свой взгляд или не[ск]олько раз изменяет его. Самые приятные [суть] те, в которых автор как будто [ст]арае[тс]я [ск]рыть [св]ой личный взгляд и вме[ст]е [с т]ем о[ст]ае[тс]я по[ст]оянно верен ему везде, где он обнаруживае[тс]я. Самые же бе[сц]ветные те, в которых взгляд изменяе[тс]я так ча[ст]о, что совершенно теряе[тс]я⁵.*

Ещё одно откровение писателя – уметь сохранять чёткую канву произведения. Как видим, для обозначения отклонения от таковой Л. Н. Толстой имеет особый термин – «аффектация», т. е., согласно словарю Ожегова: «неестественная, показная возбужденность в поведении и речи». В конце XIX в. на страницах словаря Брокгауза и Ефрона указывалось, что при помощи аффектации люди стремятся произвести желаемое впечатление, представить внешним образом такие чувства, которых на самом деле в настоящий момент не испытывают⁶. Следовательно, эмоциональный модус, что стоит за данным высказыванием, включает прежде всего поиск искренности и верности себе. В качестве доказательства можем привести целый ряд использованных инструментов: 1) синонимические ряды лексических единиц *чисто, изменяет, скрыть, остается, постоянно, верен, обнаружи-*

⁵ Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 115.

⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 41 т. Т. 2а. С. 523 [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Энциклопедический_словарь_Брокгауза_и_Ефрона (дата обращения: 26.02.2020).

вается, самые приятные, самые бесцветные, совершенно, теряется; 2) параллельные конструкции; 3) аллитерированные отрезки речи, создающие ощущение напряжения.

Такие сложности приходится преодолевать писателю, чтобы иметь резонанс в обществе, чтобы быть услышанным большим числом людей и чтобы иметь рычаги воздействия на судьбы страны. Как известно, в России поэты и писатели всегда были и поныне остаются большим, чем мастера слова. Они – глашатаи вопросов, стоящих на повестке дня страны. Они – дрожжи, на которых поднимается негодование волна, способная привести к качественному изменению в стране в целом: Художественное произведение есть то, которое заражает людей, приводит их всех к **одному** настроению. Нет равного по силе воздействия и по подчинению всех людей к **одному** и тому же настроению, как дело жизни и, под конец, целая жизнь человеческая. Если бы столько людей понимали все значение и всю силу этого художественного произведения своей жизни! Если бы только они так же заботливо лелеяли её, прилагали все силы на то, чтобы не испортить его чем-нибудь и произвести его во всевозможной красоте. А то мы лелеем отражение жизни, а самой жизнью пренебрегаем. А хотим ли мы, или не хотим того, она есть художественное произведение, потому что действует на других людей, созерцается ими⁷.

Приведём стилистический разбор цитаты. Автор дневника трижды уважительно называет результат своего труда – художественное произведение. И, как истинный художник, не теряет случая использовать яркую образность метафор: *со-настраивать* (людей), *заражать*, *подчинять*, *лелеять*. Повторы лексические (*одному настроению*), синтаксические (*если бы только \ \ если бы только*), единоначалие, противопоставление (*не испортить – произвести во всевозможной красоте, лелеять отражение – лелеять жизнь*), повышенная эмоциональность, инверсия, нарастание (*сила воздействия – дело жизни – сама жизнь*) – создают ощущение пафосности высказывания и искренней заинтересованности Писателя в самой жизни и способах эффективного воздействия на неё с помощью слова.

С точки зрения теории языка можно отметить, что выявленные лексико-стилистические особенности определяют не только идиостиль автора, но и его личностные характеристики, выходящие за рамки функциональной нагрузки текста.

ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛА ДНЕВНИКОВ ДЖ. ФАУЛЗА

Так же, как и Л. Н. Толстой, Дж. Фаулз долго и мучительно отбирает каждую лексическую единицу для точного отображения истинного смысла высказывания. Он не приемлет расхожих фраз, годных для описания чего угодно: *Then there is 'niceness' as a standard of judgement – God, how I hate that word,*

⁷ Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 497.

too – ‘a nice girl’, ‘a nice road’. *Nice* = *colourless, efficient, with nose glued to the middle path, with middle interests, dizzy with ordinariness*. Ugh!⁸.

Приведённое высказывание весьма эмоционально: много междометий (*God, Ugh!*), пунктуационных выдвиганий (тире, кавычки, знак «равно», привнесённый из математической системы, восклицательный знак), четырёхкратно повторённая многозначная лексическая единица *nice* – 1) *kind or friendly*; 2) *giving pleasure*; 3) *good, showing or needing careful understanding or decision, delicate*; 4) *having high standards of moral or social behavior*; 5) *amusing*; 6) *beautiful*; 7) *interesting*⁹, включая неологизм *niceness*, и целый синонимический ряд различных по стилям компонентов: от нейтральных *colourless, ordinary, standard, efficient, middle* до идиоматических и сленговых выражений. Метафорика последних весьма образна: метонимия (*нос вместо человек*); гипербола (*нос приклеен*), означающая проявление неопишуемой силы, с которой невозможно совладать; метонимическая метафора (*центр дороги*), обозначающая средний класс, идущий проторенными тропами, не ведающий проблем первопроходцев; гиперболическая метафора (*вызывающий тошноту от обыденности*).

Синтаксически выделяется опоясывающая модальность: в начале выражение гнева за счёт инверсии и лексической единицы *hate – a very strong dislike, detest, regret*¹⁰, далее следует расшифровка причин такой реакции и финальное «Тьфу!», ставящее точку в рассуждении и одновременно бросающее вызов несогласным. Данное высказывание интердискурсивно: его оппонентами выступают любители не задумываться над глубинными ощущениями, равнодушные обыватели, включая его собственных родителей, чьё отношение к жизни не вызвало одобрения у Дж. Фаулза.

Но в отношении истинной красоты Фаулз не скупился на комплименты: *Being a poet, divining beauty, is like divining nature – a gift. It does not matter if one does not create. It is enough to have a poetic vision. To see the beauty hidden. As I did tonight, hearing someone whistle in the distance as I stood by an open window. I felt all kinds of moods of streets at night, of walking with loved women, of dark blue and whiteness, and strange, magical desertion of streets at night. I felt it exactly in a moment, such a rush of impressions that they can hardly be seized.* **Algernon Blackwood: “To feel like a poet is not to be a poet”.** True, yet, poetry making, is not necessarily printing of words. It is a philosophical outlook, an epicureanism, a hedonism¹¹.

Призвание быть поэтом, по Дж. Фаулзу, есть дар, вскрывающийся в стремлении обожествлять красоту. Отметим, что об этом много и часто рас-

⁸ Fowles J. The Journals : in 2 vols. / ed. Ch. Drazin. Vol. 1. 1949–1965. London: Vintage, 2004. P. 289.

⁹ Longman Dictionary of English Language and Culture. 4th impr. Harlow: Longman, 2000. P. 918.

¹⁰ Longman Dictionary of English Language and Culture. 4th impr. Harlow: Longman, 2000. P. 606.

¹¹ Fowles J. The Journals : in 2 vols. / ed. Ch. Drazin. Vol. 1. 1949–1965. London: Vintage, 2004. P. 4.

суждал Л. Н. Толстой¹². Уподобление поэта натуралисту позволяет поставить знак равенства между природой и миром прекрасного, поскольку одно есть в другом, и второе есть суть первого. Повторённая дважды метафора *обожествление* формирует пиетет по отношению к объекту повествования и соответствующую модальность, что непременно выдаёт эмоциональный резонанс автора дневникового дискурса. Как видим, между текстами обоих дневников устанавливаются параллели и тонкий «эхо-образный» диалог.

Одновременно образуется противопоставление *обожествовать, суметь распознать и иметь поэтическое видение vs создавать, печатать текст*, поскольку поэт лишь транслирует внешнее в слова, он не продуцирует красоты, но пытается найти ей некое соответствие в языковом выражении. Не можем не отметить, что именно об этом повествует Л. Н. Толстой¹³, обращаясь к прямому цитированию Ж. Санд (и многих других известных мыслителей). Не случайно в английском есть пословица *Great minds think alike*, что переводится как *Великие умы мыслят сходно*.

Далее Дж. Фаулз поясняет, что вовсе не требуется колоссальных усилий, чтобы увидеть прекрасное вокруг себя, – достаточно лишь открыть окно и присмотреться. Заметим, что в этой социальной роли много от роли музыканта и художника. Но при этом его привлекают не только звуки, но и настроения, цветовая гамма, прикосновения и проч. Таким образом формируется зевгма: *whistle in the distance, moods of streets at night, walking with loved women, dark blue and whiteness, desertion of streets*. Возникают волнующие эпитеты *strange, magical*, инвертированные эпитеты *a rush* (стремительное движение, натиск, напор, череда, состязание) *of impressions*.

Кульминационным орнаментальным элементом данного высказывания выступает выдержка из текста А. Блэквуда. Включение чужеродного текста в данном случае, как и в случае с привлечением мнения Ж. Санд у Л. Н. Толстого, служит дополнительным инструментом убеждения в собственной правоте и усиления утверждающей модальности полного приятия.

Парадокс, высказанный А. Блэквудом, заставляет задуматься: «Чувствовать как поэт ещё не значит быть поэтом». В чём смысл? Дело в том, что найти достойные образные средства для отображения действительности может далеко не каждый, но тот, кто не страшится быть осмеянным, осуждённым, тот, кто не идёт проторенными тропами, а ведёт за собой, формируя новый взгляд на привычные вещи. Именно эти качества характера способствуют становлению творческой языковой личности, образуемой в совокупности тем множественством социальных ролей и сфер, что отличают изучаемое призвание.

Заключает это изречение интертекстуальная градация: *a philosophical outlook, an epicureanism, a hedonism*. Поэт – это философ, он – эпикуреец, ге-

¹² Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 357, 510.

¹³ Там же. С. 106, 109, 361.

донист. Как видим, Дж. Фаулз активно пользуется философскими терминами и не стремится быть доступным всем. Он ищет своего читателя, соратника мысли, созвучного его камертону настроений.

Как известно, эпикуреец – это последователь Эпикура, именовавшего себя «философом из сада». Он основал общину, в которой царили скромность, отсутствие излишеств и доброжелательная атмосфера. Перед входом в «Сад» стоял кувшин с водой и лежала лепёшка хлеба как символы того, что человеку в этой жизни нужно совсем немного, но высшим благом считается наслаждение жизнью. Гедонизм (др.-греч. ἡδονή – «наслаждение», «удовольствие») – аксиологическое учение, согласно которому удовольствие является высшим благом и смыслом жизни, единственной терминальной ценностью, тогда как все остальные ценности являются инструментальными, т. е. средствами достижения удовольствия.

Как видим, в обеих философских концепциях выдвигается на первое место внутренняя способность наслаждаться и получать удовольствие. Но отличие этих систем в том, что причиной наслаждения выступает *духовное*: радость можно получить от имеющегося, пусть и малого. В этом указанные школы схожи со многими религиозными течениями: христианством, проповедующим радость; буддизмом, именующим радость приятием и т. д. На данном этапе исследования можно заключить, что социальная роль «Писатель» в личности Дж. Фаулза вызывает наибольший эмоциональный резонанс за счёт сочетания таких смежных ролей, как художник, философ, музыкант. Стилистические проявления этой роли наиболее многообразны и репрезентированы на всех языковых уровнях, с привлечением внешних связей текстов, т. е. дискурсивного пространства.

Рассмотрим ещё пример: *Writing a poem is like standing on some shore and saying, "I shall row to that enchanting island over there! But when I start rowing, the joy of the action makes me lose all sense of direction, and of course eventually one returns always from where one set out, plus experience, but minus perfect success, which is unattainable. And when, later, I look back over the route, the rowing which was joy, it seems ridiculous, petty"*¹⁴.

В приведённой выдержке представлено уподобление поэтического сочинительства путешествию (отметим, что у Л. Н. Толстого также используется это уподобление) к неизвестному, что поддерживается аллитерированным звуком [s], сопряженному с мистикой и тайной. Аналогия выстраивается по следующим основаниям: берег – предположение, остров – цель, воплощение намерения (отметим эпитет *enchanting* (*чарующий, пленительный, волшебный, достойный воспевания*; образованный от фр. *chanter* – петь), гребля – собственно творческий процесс. Заметим, что это намерение передаётся прямой речью, что также поддерживает свойство дискурсивности выбранной цитаты.

¹⁴ Fowles J. The Journals : in 2 vols. / ed. Ch. Drazin. Vol. 1. 1949–1965. London: Vintage, 2004. P. 12.

Продолженная метафора включает троекратное повторение лексической единицы *row* (грести, принимать участие в гонках), что провоцирует её гиперсемантизацию и уподобление действия мучительному преодолению себя, тягот умственных усилий, что противоречит присутствию музыки и желанию посетить рай посреди океана.

Отметим повышенную семантическую насыщенность наложения грамматических времён: от неопределённого будущего *shall row* через настоящее *start rowing* к прошедшему *the rowing was joy*. О чём сигнализирует такое смещение перспективы? В отдалении остров кажется прекрасным, и ожидания от его посещения создают модальность восторженного предположения. Путешествие на лодке теряет свойство лёгкой незатейливой прогулки, поскольку проявлять способности надо здесь и сейчас (вспомним про разбойников во время путешествия у Л. Н. Толстого); а по прошествии времени остаётся признать факт, что не остров с его иллюзорностью служил причиной радости, но само эмоциональное вовлечение в процесс (не)успешной реализации – путешествие к мечте.

Эпитеты, вовлечённые в дескрипцию, также сигнализируют об этом: *unattainable* (недостижимый), *ridiculous* (нелепый, смехотворный, оскорбительный), *petty* (мелкий, незначительный, маловажный). И даже эти отрицательно заряженные элементы в ретардации начинают приобретать положительные коннотации, поскольку автор добавляет *plus experience, but minus perfect success*, что значит *опыт превосходит по значимости недостижение успеха*. Такая общность мысли передаёт модальность согласия и эмотивное расположение, о чём также свидетельствует синтаксическое расположение этого тематического рефрена. Постпозиция, как уже было замечено при изучении дневникового дискурса Л. Н. Толстого, обобщает приведённые ранее доводы.

Ещё пример: *Writing fever. Can't get any university work done. Full of ideas for "Cognac" and full of frustration at not having the time to do them. "Cognac" must aim at being popular, with art overboard. The idea came all in two hours last night and this morning*¹⁵.

Данная запись относится к 25 сентября 1949 г. и следует за описанием музыкальных впечатлений от прослушанных произведений джаза и классики. Под впечатлением от прослушанного Дж. Фаулза придумывает новый проект под названием «Коньяк», что неизменно связано с азартом и упоением подготовкой. Дважды употреблённое название отражает модальность: автор получает удовольствие от его экзотического звучания и образных ассоциаций. Вдобавок оно персонифицируется и само выбирает целевую аудиторию.

Вспомним, что у Л. Н. Толстого функция писателя – *заразить* одним настроением читателей. Метафора поддерживается последующим наречием *art overboard*, что переводится как *творческий энтузиазм, впасть в раж* от искусства. Синтаксическая связь отражает учащённый ритм сердцебиения и воз-

¹⁵ Fowles J. The Journals : in 2 vols. / ed. Ch. Drazin. Vol. 1. 1949–1965. London: Vintage, 2004. P. 4.

никновение многочисленных идей в душе писателя. Одновременно возникает обращение к лексико-семантическому полю с ядром «Время»: идея родилась за два часа, времени не хватает для должного воплощения задуманного.

В продолжение поднятого вопроса Дж. Фаулз пишет: *The question of intimacy in style – the objectivist always writes for a potential reader other than himself; he never half alone and **chez soi**, never getting to the rock-bottom of things, for the style affects the expression. The subjectivist writes purely for himself, egoistically saying a thing in the way, which seems to himself best to express exactly his point of view of it. All creation tends to one of these two poles, which are, very approximately, **classical and romantic**. This is an interesting test to perform on all memoirists and diarists. What if the greatest combines the two qualities?*¹⁶

Выдержка представляет собой часть пространного рассуждения на извечную тему времени и его преходящего характера, его ценности и относительности, его значимости для определённых видов искусств (музыка, фотография) и его абстрактности для живописи. Вопрос откровенности в писательском ремесле – это вопрос Правды, который является центральным концептом в творчестве Л. Н. Толстого. Вот почему в этом отрезке намечаются две цепочки лексических единиц, отражающие позицию автора: 1) *objectivist, potential reader, never half alone and **chez soi**, never getting to the rock-bottom of things, classical*; 2) *subjectivist, for himself, egoistically, best to express, romantic*.

Важным компонентом этих цепочек становится противопоставление, вынесенное в ретардацию: *classical – romantic*. Примечательно, что эти нейтрально заряженные лексические единицы контекстно развивают эмотивный модус, придавая знак «минус» классическому, конформистскому, ожидаемому и знак плюс эгоистичному, камерному, романтическому. На наш взгляд, лексическая единица *romantic* является весьма неожиданным компонентом, нарушающим структуру предсказуемости предложения, и именно этот инструмент становится катализатором эмотивного модуса писателя. Вероятно, эмотивный заряд представленного сверхфразового единства как раз содержится в нарушении ожидаемости, что достигается за счёт привлечения средств других областей сферы человеческой деятельности, т. е. интердискурсивности.

Тот же эффект достигнут в первом лексико-семантическом поле с ядерным компонентом «Объективность» посредством варваризма *chez soi* (фр. *у себя дома*). Положительно оцениваемая общественностью и служащая недостижи-

¹⁶ Fowles J. The Journals : in 2 vols. / ed. Ch. Drazin. Vol. 1. 1949–1965. London: Vintage, 2004. P. 10. Вопрос стилистического своеобразия – объективист всегда пишет для потенциального читателя, а не для себя, он никогда не остаётся наедине с собой и *chez soi* (дома), никогда не доходит до сути вещей: ведь стиль влияет на содержание. Субъективист пишет исключительно для себя, эгоист выражает свои мысли в той форме, в какой они точнее всего представляют его точку зрения, ни на кого не обращая внимания. Любая творческая деятельность тяготеет к одному из этих двух полюсов – грубо говоря, классическому или романтическому. Можно поставить любопытный эксперимент на мемуаристах и тех, кто ведёт регулярные дневниковые записи. А что, если великие совмещают оба начала? (Фаулз Дж. Дневники 1949–1965. М.: АСТ, АСТ Москва, 2007. 860 с.)

мой целью многих объективность приравнивается Дж. Фаулзом к слабхарактерности, нацеленности на целевую аудиторию, но и к потере своего «Я», а это для художника слова равносильно смерти. Данное высказывание насыщено разнообразными стилистическими приёмами: параллельными конструкциями с анафорическим повтором, создающими ауру предсказуемости *never half alone, never getting*, эмфатично-метафорическим *rock-bottom of things*, юмористическим *half alone*. Именно это противопоставление служит демаркационной линией, разделяющей мемуаристов, стремящихся достичь консенсуса между участниками событий, и авторов дневников. Но риторический вопрос, завершающий данное сверхфразовое единство, снимает тон непреклонности и резкости у автора, склонного к компромиссу и единству обеих возможных позиций.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОБРАННЫХ ДАННЫХ

В результате исследования были выявлены следующие параметры текста. Для удобства и большей наглядности представляется уместным привести их в виде сопоставительной таблицы.

Таблица 1 / Table 1

Сравнительно-сопоставительный срез лексико-стилистических особенностей текстов дневников, характеризующих социальную роль «писатель» / Comparative cross-section of the lexical and stylistic features of the texts of diaries characterizing the social role of the “writer”

Параметр	Л. Н. Толстой (42)	Дж. Фаулз (37)
аллитерации	+	
анафоры	+	
Варваризмы \ термины	Не выявлено	+
гиперболы	+	+
Грамматические средства (использование разных временных форм)	Не выявлено	+
Диффузность социальной роли «Писатель», связь с искусством и музыкой (наличие отступлений)	+	+
зевгмы	Не выявлено	+
инверсии	+	
Интертекст (привлечение цитат, элемент персуазивности)	+	+
Лексические повторы, увеличивающие номинативную плотность текста и создающие ЛСП	+	+
Междометия (прямое выражение эмоции)	Не выявлено	+
метафоры	+	+

Продолжение Таблицы 1 на следующей странице

Параметр	Л. Н. Толстой (42)	Дж. Фаулз (37)
Метод компенсации	+	+
метонимии	+	+
Нарастание (градация)	+	+
Нарушение психологического ожидаемого	Не выявлено	+
неологизмы	Не выявлено	+
парадоксы	Не выявлено	+
подтекст	Не выявлено	+
Поиск своего читателя	+ (100%)	+ (100%)
Пунктуационное выдвигание (выход на иные знаковые системы)	Не выявлено	+
Рельефность текста	+ (100%)	+ (100%)
Синтаксический параллелизм	+	+
Стилевое разнообразие (сленг)	Не выявлено	+
Эмотивный модус верности, любви, правды	+	+
эпитеты	+	+

Выводы

1) При общем соответствии средств передачи эмотивного состояния пишущего выделяется целый ряд позиций, свойственных только языковой личности Дж. Фаулза: выход в подтекстовое пространство, парадоксы, междометия, пунктуационное выдвигание, выход на иные знаковые системы, неологизмы, варваризмы, сленгизмы, зевгмы, нарушение психологического ожидаемого.

2) Полученные результаты свидетельствуют, что в период постмодернизма литература разработала новые лексико-стилистические средства и синтактико-просодические вариации для усиления воздействия на реципиента. Упрощение литературного языка дневникового дискурса и уподобление его разговорному добавило не свобод, но ограничений в понимании между общающимися: заметно повысило требования к кругозору реципиента и его эрудиции.

3) Примечателен с точки зрения придания объёмности тексту дневникового дискурса выход нарратора в межтекстовое и подтекстовое пространства. Именно этот инструмент увеличивает градус эмотивного модуса и формирует межкультурный, межвременной и дистантный диалоги между читателем и писателем.

4) Разница в средствах выражения модальности может быть связана со стремлением Л. Н. Толстого к максимальному пониманию большим числом читателей его мыслей и творчества в целом, в то время как Дж. Фаулз стре-

мился к выделению избранных читателей, способных внять тому многообразию используемых им средств и тем, т. е. равных интеллектуально самому автору дневникового наследия.

5) Говоря о социокультурной роли «писатель», невозможно не упомянуть о её глобальном характере и способности объять в качестве составляющих компоненты таких смежных ролей, как «художник», «психолог», «социолог», «музыкант» и т. д., в свою очередь, конституирующие конструкт «языковая личность». Именно ввиду очевидной значимости эмоционального фона для данной социальной роли можем заключить, что она доносит координирующий смысл культуры того или иного сообщества.

6) Как в русской, так и в английской лингвокультурах социальная роль «Писатель» представляет собой сложное лингвистическое явление, обладающее значительным семантическим и функциональным потенциалом, не сводящимся в однозначный конструкт ни в плане формы, ни в плане содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булдакова Ю. В. Особенности автометаописания в дневниковом дискурсе «Незамеченного поколения» (Дневник Б. Ю. Поплавского) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4–1. С. 154–158.
2. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А. П. Исаевой. М.: АСТ, АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009. 478 с.
3. Зиннатуллина З. Р. Специфика национальной самоидентификации в дневниках Дж. Фаулза // Филология и культура. 2011. № 1 (23). С. 239–241.
4. Копаева Е. В. Эмотивные средства языка как способ вербализации критического отношения к действительности (на материале англоязычных текстов жанра эссе) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 17 (650). С. 108–130.
5. Левченко М. Н. Роман Г. Бёлля «Глазами клоуна» и его языковое пространство // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 15–23. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-2-15-23.
6. Лукин Д. С. Лингвокультурное представление о языковой личности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 78–84. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-78-84.
7. Ромашкина М. В. Дневник как литературная форма (С. Киркегор, М. Ю. Лермонтов, Ф. Кафка, А. Камю, Ж.-П. Сартр): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 182 с.

REFERENCES

1. Buldakova Yu. V. [Features of autometadescriptuion in the diary discourse of the "Unnoticed Generation" (Diary of B. Yu. Poplavsky)]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State Humanitarian University], 2008, no. 4–1, pp. 154–158.

2. Goleman D. Emotional Intelligence (Russ. ed.: Isaeva A. P. transl. *Emotsional'nyi intellect*. Moscow, AST, AST MOSKVA Publ., Vladimir, VKT Publ., 2009. 478 p.).
3. Zinnatullina Z. R. [Specificity of national self-identification in J. Fowles's diaries]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 2011, no. 1 (23), pp. 239–241.
4. Kopaeva E. V. [Emotive language means as a way of verbalizing a critical attitude to reality (based on the essay texts in English)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University], 2012, no. 17 (650), pp. 108–130.
5. Levchenko M. N. [The novel by H. Böll "Eyes of the Clown" and its linguistic space]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 2, pp. 15–23. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-2-15-23.
6. Lukin D. S. [Cultural linguistics representation of the linguistic personality]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 4, pp. 78–84. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-78-84.
7. Romashkina M. V. *Dnevnik kak literaturnaya forma* (S. Kirkegor, M. Yu. Lermontov, F. Kafka, A. Camyu, Zh.-P. Sartr) : dis. ... kand. filol. nauk [Diary as a literary form (S. Kirkegaard, M. Yu. Lermontov, F. Kafka, A. Camus, J.-P. Sartre): PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2016. 182 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 08.04.2020

Статья размещена на сайте: 27.11.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пугачева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: elenapetrishina@mail.ru

Elena Yu. Pugacheva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Philology, Moscow Region State University; e-mail: elenapetrishina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Пугачева Е. Ю. Особенности вербализации эмоциональной составляющей социальной роли «писатель» в дневниковом дискурсе Л. Н. Толстого и Дж. Фаулза в сопоставительном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Pugacheva E. Yu. Verbalization of the emotional aspect of "writer" social role in Leo Tolstoy's and John Fowles' diary discourse: comparative analysis. In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.